

ГДЕ УВЕРЕННОСТЬ — ТАМ И СМЕЛОСТЬ

МИНУЛ год со времени последней встречи руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства. Для того, чтобы судить о благотворном влиянии этой встречи на практику нашего искусства, я хочу рассказать о нашем коллективе.

Свердловский драматический театр не значился в числе тех, кто попал в плен к «новациям» или особенно пострадали от репертуарных вывихов. Мы были в числе «благополучных»: спектакли у нас не снимались. За отход от современности критиковали нас в меру. Но когда я вдумываюсь в тогдашние наши дела и наблюдаю то, что делаем мы сейчас, я не могу не признать, что все происшедшее в нашем театре за этот год можно с полным правом назвать творческим оздоровлением коллектива. И все это благодаря мудрости советов нашей партии и своевременности критики, адресованной нам, людям искусства.

Не могу сказать, чтобы год назад в нашем театре кто-либо определенно подумывал об изменении принципов работы коллектива, его репертуарной политики, стиля. Но какие-то колебания появились. Бывает ведь так: идет человек уверенно по хорошо знакомой дороге и вдруг видит, что многие из тех, кто шел рядом, начинают с дороги сворачивать. Тотчас появляются сомнения: «Может быть, я сбился с пути? Или новую теперь дорогу проложили — удобнее, вернее?». А на поверку выходит, что тот, кто свернул, пошел совсем к другой цели...

Вот так получилось и у нас. Мы были уверены: партийность, активное отношение к жизни — наши главные принципы, социалистический реализм — наша столбовая дорога. Но подчас где-то появлялись нотки сомнения: «А может быть, реализм — это старомодно? Может, сегодняшний день много требует?». Кому же приятно, чтобы его упрекали в отсталости!.. А здесь еще влияние критики, которая в ряде случаев весьма холодно отнеслась к попыткам театра решить советскую тему. Короче говоря, в результате всех этих сомнений и колебаний репертуарные интересы нашего театра начали меняться. Скажем, поставили мы спектакль «Зерно риса». Ничего страшного тут, разумеется, не было, и работа вышла вроде бы интересная. Но в какой-то мере это был отход от принципов нашего театра. То же самое произошло, когда на некоторое время в репертуаре появилась «Доброй ночи, Патриция!». А в начале 1963 года с нашей сцены совсем было исчез современник... Правда, причины тут были иные, как будто от нас и не зависящие, но, мне кажется, по сути своей это было явление кризисное.

Декабрьская, а затем и мартовская встречи принесли ясность, уверенность: искусство должно говорить народу правду и только правду. Широкая дорога советского искусства — реализм. Реализм социалистический, утверждающий, созидющий. Пришла уверенность в правильности наших устремлений, вера в свои силы. А это немаловажное условие плодотворного творчества: там, где уверенность, там и смелость, и дерзание, и определенность творческого лица. Окреп принцип выбора реалистической, высокоидейной драматургии. Появилась и возможность этого выбора: новые пьесы создали такие замечательные художники, как А. Штейн, В. Розов, И. Шток. Правда, наряду со значительными художественными произведениями стали появляться и «идейные» пьесы, написанные на низ-

ком профессиональном уровне. Но и тут на заседании Идеологической комиссии при ЦК КПСС партия еще раз напомнила о главном: от нас, деятелей театра, требуется сочетание глубокой идейности с высокой художественностью.

Не надо быть особенно проницательным, чтобы видеть, насколько твердой стала позиция нашего театра в выборе репертуара в этом году. Если в прошлом сезоне в список премьер вошли только два спектакля, посвященных темам современности, то в этом сезоне уже поставлены три пьесы, такие, как «Поднятая целина» М. Шолохова в инсценировке П. Демина, «Распутие нас, люди!» А. Андреева, «Мятеж неизвестных» Г. Боровика. Готовится к постановке комедия Г. Мдивани «Украли козла». Начинаем работу над новой пьесой В. Розова «Перед свадьбой». В наших планах — «Между ливнями» А. Штейна.

ВЛИЯНИЕ откровенных, принципиальных и вместе с тем дружеских разговоров руководителей партии и правительства с деятелями искусства сказалось в нашем театре не только на «выравнивании» репертуара. По-новому зазвучали для нас давно знакомые слова «гражданственность актера». И это едва ли не самое главное. Я вспоминаю заседания нашего художественного совета два-три года назад. Сколь часто определяющими мотивами в выступлениях артистов были личные! Есть в пьесе подходящая для меня роль — значит, пьеса хорошая... А сегодня редкий работник театра не задается вопросами: во имя чего берем мы ту или иную пьесу? Во имя чего ставим тот или иной спектакль? Во имя чего я играю ту или иную роль? И в этом «во имя чего» — забота о гражданском звучании пьесы, спектакля, роли, потребность быть художником-гражданином.

Правда, у некоторых декларативные заявления о своем гражданском долге еще далеко не совпадают с действительным уровнем гражданственности. И в этом смысле острая постановка на встречах руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства вопроса о гражданственности художника выдвинула перед нами целый ряд задач по воспитанию актера. Эгоцентризм, соперничество, недружелюбное отношение к товарищам, какое-то, если можно так выразиться, мелкомыслие до сих пор засоряют сознание многих, по-настоящему талантливых людей. А мы (что греха таить!) до сих пор в какой-то степени мирились с тем, что этические нормы, соблюдения которых требовал от актера К. С. Станиславский, оставались порой лишь декларацией. Я вспоминаю смотр театральной молодежи у нас в области. Точнее, даже не сам смотр, а ту атмосферу, в которой проходило обсуждение творчества молодых. Вопрос об этике даже не возникал! Обсуждалось лишь исполнение той или иной роли, моральный же облик молодого актера никого вроде бы и не интересовал. И привело это к печальному парадоксу: за исполнение роли в пьесе о наших днях была выдвинута на поощрение актриса, которая взяла эту роль лишь под нажимом, по приказу, и больше месяца не открывала текста: «Мне эта роль не интересна, она ничего мне не дает»...

Борьба за высокий моральный облик артиста, за воспитание в нем качеств строителя коммунизма становится требованием дня, так как успех создания образа героя-современника во многом определяется и чело-

веческими качествами самого актера.

Влияние встречи руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства, высокие требования, которые были предъявлены партией к качеству художественных произведений, как никогда раньше, обострили вопрос о повышении мастерства. Наша труппа считается довольно сильной, но сегодня мы уже не совсем удовлетворены уровнем нашего мастерства. И речь не о том, что какой-то части актеров не хватает профессиональной грамотности. Нет. У нас есть подлинны мастера и много хороших, «крепких» актеров, отлично действующих на сцене, всегда эмоциональных, заразных, убедительных. Но вот высшей степени мастерства — овладения процессом мышления в образе — пока достигли очень немногие.

Герой нашей действительности — человек высокого интеллекта. И до тех пор, пока мы не научимся воссоздавать живой процесс мысли на сцене, мы не сумеем во всей полноте удовлетворить высокие требования нашего современника, предъявляемые им к искусству сцены. Если раньше мы лишь высказывали много сожалений по этому поводу, то теперь перешли к поискам новых путей овладения высотами мастерства. Правда, пока это скорее задумка, чем практическое предприятие, но задумка реальная, и к осуществлению ее мы намерены приступить в ближайшее время. Это — создание экспериментальной студии при театре, где будет работать в основном наша молодежь, разумеется, при непосредственном участии мастеров старшего поколения. Задача нашей студии — воспитание достойной смены, воспитание актеров-единомышленников. Студийцы получат возможность более длительной работы над пьесами, более активного знакомства с новой драматургией, более широких исканий новых выразительных средств, связанных с известным риском, без которого не бывает настоящего поиска.

Если взглянуть с высоты сегодняшнего дня на путь, пройденный советским искусством, нельзя не обратить внимание на то, как всегда внимательно была к нам партия, как своевременно и гибко меняла она способы воздействия на ход развития искусства в зависимости от исторической обстановки. И в этом смысле дружеские встречи руководителей партии и правительства с творческой интеллигенцией представляются мне удачно найденной новой формой руководства искусством — формой, наиболее отвечающей условиям дня.

В. БИТЮККИН,
народный артист РСФСР,
главный режиссер
Свердловского
драматического театра.